

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ МИТРОПОЛИЧЬЕГО ДВОРА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА

А. Ю. Савосичев

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Поступила в редакцию 30 июня 2020 г.

Аннотация: рассматриваются структура, функции и персональный состав митрополичьего двора в первой трети XVI в.

Ключевые слова: митрополичий двор, боярин, сын боярский, наместник, дворецкий, десятичник, тиун, дворский, посельский.

Abstract: the article deals with the structure, functions and personnel of the Metropolitan court in the second half of the first third of the XVI.

Key words: Metropolitan court, boyar, son of the boyar, Governor, Butler, desatnik, tiun, Dvorsky, poselsky.

Вначале необходимо оговорить хронологические рамки данного исследования. Первая треть XVI в. – это, естественно, время правления Василия III. Однако, учитывая, что при изучении истории митрополичьего двора приходится сочетать хронологию церковной и гражданской истории, мы несколько сместили временные границы статьи. Дополнительное обстоятельство заключается в том, что наши основные источники – акты – не всегда применительно к данной эпохе имеют черные даты, время их составления определяется по упоминаемым в тексте персонажам. В первую очередь по митрополитам Московским. Княжение Василия III пришлось на правление трех митрополитов: Симона, Варлаама и Даниила. О дворе митрополита Симона было написано ранее [1]. Таким образом, хронологические рамки данного исследования – 1511–1539 гг.

Ко временам Василия III чиновная и должностная структура митрополичьего двора окончательно сложилась. Он состоял из двух основных «этажей» – бояр и детей боярских.

Варлааму и Даниилу служили бояре Константин Богдан Федоров Юрьевича и Иван Мора Никитич Данилов [2, с. 129; 3, с. 78, 112, 143; 4, с. 277]. Оба принадлежали к роду Федора Бяконта, являясь потомками Степана Феофановича. Константин и Иван – троюродные братья, правнуки Степана Феофановича. В митрополичьих боярах служили их отцы – Федор Юрьевич и Никита Данилович Степановы – и дядья – Василий Юрьевич и Фома Данилович [5].

Функции митрополичьих бояр, по всей видимости, оставались теми же, что и ранее, в XIV – начале XVI в. Бояре Варлаама и Даниила известны только как послухи и контрагенты в актах, которыми оформ-

лялось движение собственности митрополичьей кафедры [3, с. 78, 112, 143].

Применительно к митрополичьим детям боярским есть одна сложность. Они не всегда упоминаются в источниках с указанием чина. Поэтому остановимся на тех персонажах, кто прямо назван митрополичьим сыном боярским.

В актовом материале упоминаются следующие дети боярские митрополитов Варлаама и Даниила – Игнат Овдеев, Гриша Михайлов Внуков, Иван Внуков, Семен Ильин, Конша Кузьмин, Федор Мануйлов, Юрий Григорьевич Мануйлов, Алеша Матов, Андрей Потапов, Басалай и Иван Григорьевы Рагозины, Федор Фомин Сахарусов и Губа Соболев [3, с. 15, 135, 138, 162, 165; 6, с. 14–16, 19–20, 35–36; 7, л. 892 об. – 893]. Самый пространственный список митрополичьих детей боярских содержится в синодике Кремлевского Успенского собора: Федор и Гаврила Второй Семеновы Великого, Давыд и Федор Рудный Ивановы Морины, Трифон Третьяк и Иван Некрасовы Юрьевы, Андрей Чесново Юрьев, Климент Гневаш Дроздов Юрьев, Иван Никулин, Никифор Болдырь Федоров Юрьев, Иван Губа и Василий Шило Федоровы Соболевы, Игнатий Шишка Васильев Чертов, Гаврила Игнатьев Чертов, Иван Григорьев Мануйлов, Иван Иванов и Василий Федоров Сурмины, Юрий Перепечин, Стефан и Тимофей Ивановы Рагозины, Иван Меньшой Рагозин, Афанасий Васильев Рагозин, Яков Внуков с детьми Иваном и Нечаем. Итого 25 человек, «пострадавших и избиенных, и всячески нужно скончавшихся от безбожной литвы в Стародубе» [8, с. 178], т. е. речь идет о детях боярских митрополита Даниила, погибших в 1535 г. Всего около 35 детей боярских. Можно полагать, что предстоятелю Русской церкви в исследуемый период служило около сотни детей боярских.

Федор и Гаврила Второй Семеновы Великого, Давыд и Федор Рудный Ивановы Морины, Трифон Третьяк и Иван Некрасовы Юрьевы, Андрей Чесново Юрьев, Климент Гневаш Дроздов Юрьев, Никифор Болдырь Федоров Юрьев из рода Бяконта. Федор и Гаврила – потомки Степана Феофановича в четвертом поколении, сыновья Семена Васильевича Юрьева. Трифон и Иван Некрасовы, Андрей Чесново, Климент Дроздов и Болдырь – двоюродные братья Федора и Гаврилы, сыновья Андрея Некраса, Чесного, Ивана Дрозда и Федора Тирона Васильевичей Юрьевых соответственно. Давыд и Федор – четвероюродные братья Юрьевых, сыновья Ивана Моря.

Представители остальных 14 фамилий – Внуковы (3), Ильины (1), Кузьмины (1), Мануйловы (3), Матовы (1), Никулины (1), Овдеевы (1), Перепечины (1), Потаповы (1), Рагозины (6), Сахарусовы (1), Соболевы (2), Сурмины (2) и Чертовы (2) – суть люди неродословные.

Фамилии Внуков, Ильин, Кузьмин, Никулин (Никулин), Овдеев (Авдеев) и Потапов в XV–XVI вв. были широко распространены в разных регионах страны и разных социальных слоях. Митрополичьи дети боярские Внуковы, по всей видимости, были потомками Ивана Внука, который при митрополите Геронтии был мужем на суде Ивана Сухова [3, с. 214]. Судья великокняжеский, но один из трех мужей – Борис Пятин – явный однородец митрополичьего поселского Гриди Пятина.

В актах митрополичьей кафедры упоминаются и другие Внуковы, мужи на разъезде, послухи и землевладельцы во Владимирском, Московском и Переяславском уездах [3, с. 122, 178, 184]. Скорее всего, это однородцы митрополичьих детей боярских, но какую-либо связную генеалогию тут выстроить невозможно из-за отрывочности информации, содержащейся в доступных источниках.

Григорий Михайлов, скорее всего, был сыном Михаила Ивановича Внукова, митрополичьего поселского Юрьевских сел, служившего митрополиту Симону, и внуком – вышеупомянутого Ивана Внука. Если Яков Внуков – то же лицо, что и Яков Михайлов Внуков, чей поземельный спор с митрополичьим Сновидским монастырем был разрешен 30 декабря 1518 г. митрополитом Варлаамом, то Григорий и Яков – братья.

Перепечины в последней четверти XV – второй половине XVI в. упоминаются как землевладельцы и послухи в актах во Владимире, Мещерве, Новгороде, Переяславле, Пскове, Пустой Ржеве, Суздале, Твери и Юрьеве Польском. Всего около 50 человек мужского пола. Считать их всех однородцами затруднительно. Митрополичий сын боярский Юрий Перепечин, по всей видимости, то же лицо, что и суздальский вотчинник Юрий Борисович Перепечин. 26 июня 1544 г.

он вместе с другими персонажами из числа митрополичьего двора упоминается в духовной митрополичьего сына боярского Василия Федорова Сурмина [7, л. 58 об. – 66].

Юрий Борисович Перепечин был внуком суздальского вотчинника Ивана Перепечи Мартьяновича Посульщикова. Иван известен только из духовной, которую он составил где-то в последней четверти XV в. Завещатель был человеком состоятельным: наследникам достались два сельца с минимум (не все пункты перечислены поименно) 34 деревнями и 76 пустошами и более чем на 20 руб. кабал [3, с. 144–146; 9, с. 254]. У Ивана был единственный сын Борис. Он упоминается в духовной. Кроме этого, Борис Иванов Перепечин в 1470–1490-е гг. писал меновую своего дяди Игнатия Мартемьяновича Посульщикова в Суздале [10, с. 19–20]. В 1497–1498 гг. судился сначала с Николаевским Шартомским монастырем, а затем с княгиней Анной Шуйской из-за с. Хозниково Суздальского уезда и выиграл дело [9, с. 254].

У Бориса было двое сыновей – Юрий и Федор. В 1519/20 г. они поделили отцовскую и дедовскую вотчину в Суздальском уезде [3, с. 146–148]. Федор 9 апреля 1526 г. – послух в купчей митрополичьего боярина Русина Федоровича Фомина, купившего для митрополита Даниила у Юрия Борисовича Перепечина большую вотчину в Суздальском уезде [там же, с. 143]. В Дворовой тетради по Суздалью были записаны Федор Борисов Перепечин с детьми Гришкой и Богданкой [11, с. 154].

Сына митрополичьего слуги можно предположить в Дмитрие Юрьевиче Перепечине. В 1564/65 г. он поручитель по Салтыковым и по князьям Серебряным [12, с. 38–39, 41, 44, 46], т. е. со второй трети XVI в. Перепечины выбывают из состава митрополичьего двора. Федор Борисович, сыновья Юрия и Федора перешли на великокняжескую службу.

Родоначалником Рагозиных, по всей видимости, был митрополичий сын боярский Иван Рагоза Терентьев сын. При митрополите Геронтии он муж на разъездах [3, с. 83]. Ранее 20 февраля 1463 г. братья Захар и Рагоза продали Василию Дмитриевичу Ермолину вотчину в Дмитровском уезде [13, с. 242; 14].

У Ивана достоверно известны два сына – Денис и Федор, бывшие с отцом на разъезде. Можно предполагать у него также сына Лариона. В 1499/1500 г. Гришук и Костя Кузьмины дети Ларионовы Рагозины мужи на разъезде митрополичьей земли во Владимирском уезде [3, с. 168]. Детями боярскими братья не названы, но следующий за ними в списке мужей – митрополичий сын боярский Конша Кузьмин. До 1514 г. Григорий и Константин трижды упоминаются в актах митрополичьей кафедры как мужи и послухи [там же, с. 161, 176, 178]. В разъезжей, не имеющей черной даты, но составленной явно в то же время, что

и акт 1499/1500 г. (совпадают имена землевладельцев, чьи имения межевались), упоминается Григорий Рагозин Большой. Это старший брат Григория и Константина или, возможно, дядя, а может быть, кто-то из других родственников старшего поколения.

В купчей митрополичьего дворецкого Федора Федоровича Сурмина 1508/09 г., кроме Григория и Константина, упоминаются Иван и Иван Меньшой Григорьевы Рагозины. Это сыновья либо Григория Кузьмича, либо Григория Большого. Младший из Иванов упоминается как послух в актах митрополичьей кафедры в 1514, 1515 и 1526 г. [там же, с. 143, 162, 176]. 2 июня 1528 г. истцом в правой выступил брат Иванов Басалай Григорьев Рагозин [там же, с. 194–197].

Погибшие в Стародубе Стефан и Тимофей Ивановы Рагозины, скорее всего, сыновья старшего из двух Иванов Григорьевичей. В синодике они записаны отдельно от Ивана Меньшого Рагозина.

Остальные Рагозины в связную генеалогию потомков Ивана Рагозы не вписываются, но сомневаться в том, что все они однородцы, не приходится.

Сахарусовы, по всей видимости, служили еще митрополиту Ионе. Яков Васильевич Сахарусов упоминается в актах митрополичьей кафедры как послух 29 марта 1453 г. и 11 июля 1456 г. [там же, с. 107, 257, 263]. Еще одна грамота датируется предстоятельством митрополита Феодосия (1461–1464 гг.) [там же, с. 247]. Тимофей Васильевич Сахарусов, послух в рядной, составленной примерно в те же времена (включенный акт в составе правой, черной даты нет), явный брат Якова [там же, с. 109]. Митрополичий дворецкий Кузьма Яковлевич Вятка – несомненный сын Якова и племянник Тимофея Васильевичей.

Современником Якова и Тимофея был Лихач Сахарусов. При митрополите Филиппе он послушествовал в меновой митрополичьего белозерского Вокресенского Череповецкого монастыря [там же, с. 252]. Его сын Михаил – митрополичий волостель [там же, с. 28]. Внук Александр Михайлов Лихачев Сахарусов в 1498/99 г. – послух в меновой митрополичьей кафедры [там же, с. 194].

Соболевы вели свой род от Григория Микулича Соболя, современника митрополита Феодосия [15, с. 432–433].

Сурмины – старинная служилая фамилия. По сведениям С. Б. Веселовского, источник которых мне найти не удалось, их родоначальником был боярин митрополита Фотия Иван Ильич Сурма [16, с. 307]. Его сын Юрий Иванович Сурмин 11 июля 1456 г. вступил послухом в меновой митрополичьего дворецкого чернеца Тихона Коровая в Переславском уезде [3, с. 107]. Примерно в это же время Юрий и Тимофей Федоровичи Сурмины продали свою вотчину в Дмитровском уезде [13, с. 163].

У Юрия Ивановича известно двое сыновей – Федор и Василий. Василий Юрьевич по поручению митрополита Геронтия произвел разезд в Дмитровском уезде [3, с. 83]. О Федоре каких-либо биографических фактов выяснить не удалось.

К тому же поколению принадлежал великокняжеский сын боярский Семен Сурмин. 9 января 1474 г. он был послан провожать орденского посла Индрика, выехавшего из Пскова обратно в Ригу [17, с. 196].

Сын Василия Юрьевича Иван в сентябре 1499 г. послух в меновой [3, с. 160]. Сын Федора Юрьевича – митрополичий дворецкий Федор Федорович. Кроме этого, у него было, по всей видимости, еще двое сыновей – Григорий и Матвей. О них далее.

В сентябре 1493 г. Рудной Семенович Сурмин упоминается как пристав при литовском после [18, с. 109]. Вряд ли стоит сомневаться в том, что это сын вышеупомянутого Семена Сурмина. 20 января 1506 г. Иван Семенов Сурмин Рудной – послух в меновой князя Юрия Ивановича Дмитровского и Троице-Сергиева монастыря. Обмен осуществил старший брат Рудного Федор Чирка [19, с. 22]¹. 8 июля 1507 г. Ивану Семенову Сурмину как волостелю князя Юрия адресована указная грамота [20, стб. 131]. Братья Федор Чирка и Иван Рудной – послухи в духовной Петра Михайловича Плещеева. Завещание утверждено митрополитом Симоном 24 февраля 1510 г. [19, с. 64–65]. Федор по поручению князя Дмитрия описывал в Дмитровский уезд [19, с. 235].

Погибшие в Стародубе Иван Иванов и Василий Федоров Сурмины – явно троюродные братья, сыновья Федора Федоровича и Ивана Васильевича. Василий Федоров Сурмин 4 января 1526 г. – послух в купчей [3, с. 80–81]. Сохранилась духовная Василия. Накануне отъезда на службу в Серпейск у завещателя детей не было. В акте упоминаются брат Иван Григорьевич и дядя Матвей Федорович Сурмины. В числе душеприказчиков Арина, жена Ивана Семеновича Сурмина, и Иван Иванович Рудного Сурмин [7, л. 58 об. – 66]. Иван, судя по отчеству, двоюродный брат, т. е. у митрополичьего дворецкого было два брата – Григорий и Матвей. Матвей похоронен в митрополичьем Новинском монастыре. В духовной Василия указано, что все движимое имущество дяди митрополит забрал в качестве вклада. Митрополит назван государем.

На обороте духовной запись: старцы Троице-Сергиева монастыря Иона Щелепин и Федор Фомин оплатили долг завещателя сестре Соломаниде. Последнее решение было санкционировано митрополитом Макарием 25 июня 1545 г.

В 1546/47 г. Иван Григорьевич Сурмин дал отступную запись на сельцо Давыдовское, которое ранее

¹ По указанию С. Б. Веселовского, впервые упоминается в источниках в 1490 г. [16, с. 355].

было заложено ему Марией Федоровой женой Сурминой. В числе послухов Михаил Васильевич Сурмин [7, л. 56, 56 об.]. В Михаиле логично предположить сына Василия Федоровича, но эта гипотеза противоречит данным актов. Совершенно ясно, что детей у Василия не было. Все наследство перешло к матери.

Духовная Василия Федоровича показывает, что две ветви Сурминых, митрополичьих и великокняжеских (позднее удельных) детей боярских восходят к одному предку. Во второй половине XVI – первой четверти XVII вв. одни продолжали служить предстоятелю Русской церкви, а другие – великому князю [6, с. 125–126, 128–130, 139, 146, 148, 154, 157, 160, 169, 174, 178–183, 187, 190, 196, 198, 213, 215, 218, 240, 250, 260–262, 268, 273–277, 282, 283, 290–297, 301, 310–311, 318–319, 329–331, 333, 336; 11, с. 129, 238–239; 21, с. 188, 752–753].

Чертовы – потомки великокняжеского дьяка Алексея Стромиллова, сын которого Михаил имел прозвище Черт. Погибший в Стародубе Игнатий Шишка приходился Михаилу внуком, а Григорий Игнатьевич, соответственно, правнуком [15, с. 93–98, 432–433].

Митрополичьи дети боярские представляли интерес митрополита в судебных делах; выступали гарантами действительности сделок. В июне 1521 г. митрополичий сын боярский Игнат Овдеев вместе с митрополичьими же крестьянами участвовал в приготовлении к судебному поединку с людьми великокняжеского сына боярского Чудина Акинфова [3, с. 15]. В 1524/25 г. Федор Семенович Кроткого отмежевал митрополичью вотчину в Юрьев Польском уезде. На разъезде в качестве мужей были митрополичьи дети боярские Губа Соболев, Гриша Михайлов Внуков и Алеша Матов [там же, с. 138]. В первой четверти XVI в. на межевании митрополичьей вотчины во Владимирском уезде присутствовали митрополичьи дети боярские Андрей Потапов, Конша Кузьмин и Семен Ильин [там же, с. 165].

Митрополичьи дети боярские выступали как организаторы хозяйственных работ. 19 марта 1525 г. в правой грамоте суда вышеупомянутый Чудин Акинфов жалуется, что митрополичьи дети боярские Федор Мануйлов, Игнат Авдеев, Гридя и Иван Внуковы и Алеша Матов вырубили на его земле лес, распахали пашню, выгнали из его деревни его крестьян и поселили митрополичьих, холопа побили и ограбили [там же, с. 18]. Впрочем, возможно, здесь митрополичьи дети боярские выступали от своего лица как местные землевладельцы, держатели церковной земли. 2 июня 1528 г. боярин Михаил Юрьевич Захарьин разбирал спор митрополичьего сына боярского Басалая Григорьева Рагозина вместо брата Ивана и «товарища» Федора Фомина Сахарусова («били челом митрополичьи дети боярские Басалай Рагозин

с товарищи») с Андреем Лапиным, холопом Василия Бундова Неронова в деле о бое и грабеже. Митрополичьи дети боярские жили в волости Сенгу у Сенгозера на рыбном дворе на рыбной ловле со всяким запасом [там же, с. 194–195].

Митрополичьим детям боярским поручалось составление налогового кадастра, т. е. они выполняли работу, аналогичную работе писцов. Митрополит Даниил, объясняя кн. Ю. И. Дмитровскому нарушение иммунитетных привилегий Николо-Песношского монастыря, указывал, что с санкции великого князя посланы митрополичьи дети боярские для описи церквей. Пока писцовые работы не закончены, жалованные грамоты не выдаются, десятичники игуменов и попов не судят [22, с. 191].

Митрополичьи дети боярские выполняли особые поручения. Федор Мануйлов посылался митрополитом Варлаамом к царевичу Петру спрашивать о здравии [9, с. 287]. Митрополит Даниил направил к ростовскому архиепископу своего сына боярского Юрия Григорьевича Мануйлова по поводу поземельного спора [3, с. 253].

Должностная структура митрополичьего двора исследуемой эпохи состояла из четырех основных чинов: дворецкий, наместник, десятичники и тиун.

Дворецким митрополита Варлаама был Федор Федорович Сурмин [там же, с. 68–69, 78–79, 122, 162, 175–176; 19, с. 173–174]; Даниила – Юрий Григорьевич Мануйлов [3, с. 102].

Через дворецкого шло движение митрополичьей земельной собственности. Он покупал для своего сюзерена вотчины, осуществлял их обмен и межевание [там же, с. 68–69, 78–79, 102, 122, 162, 175–176; 19, с. 173–174].

В первой трети XVI в. известно только одно наместничество – владимирское [3, с. 162, 166, 191]. Его занимали Федор Васильевич Тирон [там же, с. 162], Гордей Иванович Сокуров [19, с. 224] и Юрий Григорьев Мануйлов [3, с. 166].

Владимирский наместник, прежде всего, судья. Суд он вершит сам или через своих представителей. В жалованных грамотах наместник «не въезжает, не всылает, не судит, кормов своих не емлет» [там же, с. 191]. 30 декабря 1518 г. Юрий Григорьев Мануйлов судил поземельный спор митрополичьего Сновидского монастыря с Яковом Михайловым Внуковым. Окончательное решение по делу было вынесено митрополитом Варлаамом [23, с. 29–31].

На наместников возлагалось также межевание земли, по всей видимости, в силу взаимосвязи двух функций, ибо межевание нередко сопровождалось поземельными спорами, требовавшими судебного разбирательства [3, с. 162, 166].

В 1523/24 г. владимирскому наместнику Гордею Ивановичу Сокурову явлена духовная Дмитрия Про-

кофьева Арбузова [19, с. 224]. Здесь наместник заменял непосредственно митрополита, который обычно утверждал завещания.

При митрополитах Варлааме и Данииле по источникам прослеживаются две десятины: переславская [3, с. 126, 128–129] и великосольская [3, с. 238]. Это все территория бывшей владимирской епархии, митрополичий домен. 7 апреля и 31 июля 1525 г. Василий III в своей указной грамоте предписывал торопецкому наместнику кн. Михаилу Ивановичу Кубенскому «не вступаться» в «десятильничьи пошрины» митрополичьего десятичника Ивана Неклюдова Соболева [24, с. 521, 522]. Торопец относился к Смоленской епархии. Не совсем понятно, откуда здесь взялся митрополичий десятичник. Возможно, столкновение ведомственных интересов произошло на стыке Торопецкого и Ржевского уездов. Последний относился к бывшей Владимирской епархии, ставшей митрополичьим доменом.

Основная обязанность десятичников – суд. В жалованных грамотах десятичники не судят, не выезжают и не высылают [3, с. 126, 128–129; 22, с. 191]. В последнем случае речь явно идет о доверенных лицах десятичников – тиунах. Судебные полномочия десятичников распространялись на всех церковных людей, включая духовенство и монашествующих [22, с. 191].

Персонально известен только один десятичник митрополита Даниила – вышеупомянутый Иван Неклюдов Соболев.

Так же как и во второй половине XV в., митрополичьи тиуны бывали двух видов. С одной стороны, тиун выступал как самостоятельный судебный чин. В жалованной оброчной грамоте митрополита Даниила бортникам на землю во Владимирском уезде от 24 июня 1522 г. тиун наряду с наместником не выезжает, не высылает, не судит и «кормов» своих не берет [3, с. 191]. С другой стороны, тиун – это судебный агент десятичника. Согласно жалованной тарханно-несудимой грамоте митрополита Даниила Переславскому Покровскому на Богоне монастырю от 24 января 1524 г. не выезжают, не высылают и не судят переславские и их тиуны [там же, с. 126].

Каково было соотношение чиновной и должностной структуры митрополичьего двора? Федор Васильевич Тирон – сын боярина митрополита Симона Василия Юрьевича Стефанова [25, с. 139, 141]. Федор Федорович Сурмин из семьи митрополичьих детей боярских.

Юрий Григорьевич Мануйлов – явно брат митрополичьего сына боярского Ивана Григорьевича Мануйлова, погибшего в 1535 г. По данным С. Б. Веселовского, братья были внуками Ивана Мануиловича, боярина или дворецкого митрополита Феодосия. Скорее второе, учитывая, что митрополичьи бояре рекрутировались почти исключительно из рода Бя-

конта. Указание С. Б. Веселовского на то, что Константин Федорович Мануйлов был боярином митрополита Даниила, ошибочно [26, с. 410]. Константин Федорович не Мануйлов, он, как показано ранее, из рода Бяконта.

Иван Неклюдов Соболев явно был родственником митрополичьих детей боярских Ивана Губы и Василия Шила Федоровых Соболевых.

Из митрополичьих детей боярских был и Гордей Сокуров. В конце XVI в. в патриарших детях боярских служили Алексей Федоров и Иван Андреев Сокуровы [6, с. 212–213, 217–218; 11, с. 237].

Из тиунов в источниках исследуемой эпохи упоминается Борис Дмитриев Косагов [3, с. 166]. В 1517/18 г. он муж на разъезде у Юрия Григорьевича Мануйлова, отмежевавшего митрополичью вотчину во Владимирском уезде, т. е. можно полагать, что речь идет о владимирском тиуне, самостоятельном судебном чине. Прямых указаний на то, что Борис – митрополичий сын боярский, в источниках нет. Но его родственники в конце XVI в. упоминаются как патриаршие дети боярские.

Полагаем, что вывод очевиден. Верхние этажи митрополичьей администрации занимались митрополичьими же детьми боярскими.

Нижний ярус митрополичьего аппарата управления представлен, прежде всего, дворскими, поселскими и приказчиками. Все они упоминаются только как мужи на межевании, послухи в актах, представители митрополичьих крестьян перед судьями и разъездчиками.

Из поселских известны Иван Андреев Потапов [3, с. 166], Олеша [там же, с. 39] и Якуш Масленицкий [там же, с. 166–167]; дворских – Матвей Филиппов сын [там же, с. 102]; приказчиков – Мартын Власов [там же, с. 35] и Федяша Филиппов [там же, с. 35, 37].

Иван – явно сына Андрея Потапова, митрополичьего сына боярского. Можно полагать, что и остальные должности поселских занимались митрополичьими детьми боярскими.

О дворских и приказчиках сложно сказать что-либо по причине скудости информации источников. В двух случаях из трех приказчики упоминаются вместе с названиями сел: выписи отданы митрополичьему приказчику с. Аксиньинского Федяше Филиппову и «митрополичу приказчику Юрьевского села», не названному по имени [там же, с. 36], т. е. должность приказчика привязана к конкретному селу, где он, по всей видимости, заведовал административно-хозяйственной частью.

7 ноября 1515 г. митрополит Варлаам подтвердил на имя Дмитрия Иванова Аминова жалованную грамоту на церковь Св. Николая в Емстне Костромского уезда. Соблюдать привилегии причта должны были митрополичьи данщики, десятичники и все пошлин-

ники. Из церковных налогов с храма причитался алтын заезда для заездчиков [14, с. 266]. 24 июня 1522 г. в жалованной оброчной грамоте митрополита Даниила бортникам на землю во Владимирском уезде указано, что праведчики и доводчики поборов с них не берут [3, с. 191].

Праведчики и доводчики, судя по контексту грамоты, судебные агенты владимирского наместника и тиуна, аналог десятильничьих тиунов. Пошлинники и заездчики – это, по всей видимости, в данном случае термины, обозначающие всех должностных лиц, которые были приставлены к суду и администрации согласно обычаю, пошлине и заезжали для выполнения своих обязанностей. А вот данщик, по всей видимости, – конкретный финансовый чиновник, сборщик налогов.

Таким образом, структура и функции митрополичьего двора в исследуемый период оставались такими же, какими они сложились к началу XVI столетия, но в нем усилилась роль среднего звена служилой корпорации. Бояре более не занимают административных и судебных должностей. За ними, по всей видимости, остаются только командование митрополичьим полком и важнейшие из особых поручений. Все высшие административные и судебные должности занимаются только детьми боярскими. Дети боярские, возможно, в силу роста их численности по причинам чисто демографическим, проникают и в низшее звено управления, в число посельских, оставляя за слугами под дворскими должностями приказчиков и данщиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савосичев А. Ю. Структура и функции митрополичьего двора во второй половине XV – начале XVI века / А. Ю. Савосичев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2019. – № 3. – С. 89–93.
2. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. – М., 1998.
3. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. Ч. 1. – М., 1951.
4. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе родословную книгу, собранную и сочиненную в Разряде при царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую, и которая известна под именем Бархатной книги. Ч. 1. – М., 1787.
5. Савосичев А. Ю. Митрополичьи бояре из рода Бяконта / А. Ю. Савосичев // Novogardia. – 2019. – № 4. – С. 264–276.
6. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. Ч. 3. – М., 1961.
7. Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. – Ф. 303. – Кн. 530.
8. Памятники истории русского служилого сословия. – М., 2011.
9. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. Т. 4. – М., 2008.
10. Назаров В. Д. Акты XV века из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. № 9 / В. Д. Назаров // Русский дипломатарий. – Вып. 4. – М., 1998. – С. 3–21.
11. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. – М., 1950.
12. Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов. № 10, 11 / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. – Вып. 10. – М., 2004.
13. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. Т. 1. – М., 1952.
14. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. Т. 3. – М., 1964.
15. Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв. : происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования / А. Ю. Савосичев. – Орел, 2013.
16. Веселовский С. Б. Ономастикон / С. Б. Веселовский. – М., 1974.
17. Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 5, вып. 2. – М., 2000.
18. Сборник Русского исторического общества : в 148 т. Т. 35. – СПб., 1882.
19. Акты Русского государства 1505–1526 гг. – М., 1975.
20. Русская историческая библиотека : в 39 т. Т. 32. – Пг., 1915.
21. Писцовые книги Московского государства. Ч. 1, Отд. 1. – СПб., 1872.
22. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией : в 5 т. Т. 1. – СПб., 1841.
23. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. – СПб., 1838.
24. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. – М., 2008.
25. Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. / В. Б. Кобрин. – М., 1995.
26. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины / С. Б. Веселовский. – М., 1963.

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Савосичев А. Ю., доктор исторических наук, профессор кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности

E-mail: sawositchev@mail.ru

Orel State University named after I. S. Turgenev
Savosichev A. Yu., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security
E-mail: sawositchev@mail.ru